

Николай Петрович Вагнер

Гулли

Содержание

I.....	.0004
II.....	.0007
III.....	.0011
IV.....	.0013
V.....	.0018
VI.....	.0022
VII.....	.0026

Н. П. Вагнер
ГУЛЛИ

Взглянешь на небо, там солнце царит и владеет. Взглянешь на землю... Здесь опять солнце, и некуда от него скрыться. Даже в тени, возле моря, туда оно проникает своим удушливым жаром.

Но под этим солнцем, среди этого жара, трудятся люди, и весь сад кипит работой. Сад большой, фруктовый. Люди носят большие корзины, полные персиков и абрикосов, яблок и груш и всякого винограду. Тут есть и чёрный, и розовый, и зелёный, и мускат, и изабелла. Всё приносят на верхнюю террасу, где сидит сама владетельница сада и громадного имения, сама баронесса фон Дрепанкуль-Ильстром.

Подле неё стоит Гулли, татарочка-сиротка, воспитанница баронессы. Смотрит Гулли на всю эту суетню своими большими чёрными, как чёрные сливы, глазами смотрит и думает: зачем это трудятся люди, зачем им столько плодов и яблок, и груш, и персиков, и слив, и абрикосов, и винограду?

Она вспоминает, что на этих днях она по-

садила горчичное маленькое зёрнышко в землю. Посадила его в самой середине цветника и верит, крепко верит, что из этого зёрнышка вырастет большое дерево — и как же не верить ей, когда сама баронесса читала ей из святой великой книги, как один человек взял и посеял горчичное зерно на поле своём.

«Это зерно, — сказано в книге, — хотя меньше всех семян, но когда вырастет, бывает больше всех злаков и становится деревом, так что прилетают птицы небесные и укрываются в ветвях его». И Гулли крепко верит, что это зерно горчичное взойдёт и вырастет и будет больше всех злаковых и станет деревом но укроются ли в нём птицы небесные?.. Вот вопрос!

Два дня уже лежит зерно горчичное в земле. Завтра, завтра оно должно непременно взойти маленьким зелёненьким росточком.

Несколько раз на дню Гулли пойдёт посмотреть то место, где она посадила зерно, место, которое она отметила маленьким крестом, сложенным из двух прутиков.

Она придёт к этому месту и утром рано на восходе солнца, и днём, и даже поздно вече-

ром.

Завтра оно должно непременно взойти. В это крепко, крепко верит Гулли.

С вечера она долго молилась. Она не могла смолиться иначе, как со слезами, потому что молитва её обращалась прямо к доброму Иисусу, которого она любит так сильно и горячо. Каждый раз, как она подумает о Нём, её сердце забьётся так радостно и она чувствует, что Он уже стоит подле неё, с Его ласковыми, добрыми голубыми глазами. И на её собственных больших чёрных глазах невольно навёртываются слёзы.

— Господи! — шепчет она, — сделай так, чтобы все были добрые и любили бы Тебя, доброго, и любили бы друг друга. — И она твёрдо верит, что когда-нибудь да это будет — непременно будет.

Когда она легла в свою постельку, то на дворе и в саду была уже тёплая южная ночь — и яркий месяц высоко стоял в тёмно-фиолетовом небе и ещё ярче горели и дрожали яркие звёзды, отражаясь в море.

Она заснула с твёрдой надеждой, что завтра вместе с восходом солнца она увидит всход маленького горчичного зерна. Она не

знала, как долго она спала и что её разбудило, но она вдруг проснулась и села на постельку.

Неизвестно почему ей представилось, что теперь, именно теперь показался из земли первый маленький зелёный росток горчичного зерна. Сердце у неё забилось так радостно, трепетно — и она невольно быстро поднялась с постели.

— Я пойду, — думала она, — взгляну на него одним глазком и опять лягу.

Ночь была душная, через большое окно ярко светил месяц и всюду разливал свой зеленоватый, таинственный свет.

— Что за нужда, что я раздета, в одной рубашке, — думает Гулли. — Теперь ночь, меня никто не видит. Я пойду, побегу, взгляну — и быстро, быстро опять прибегу и лягу.

И она, сама не зная как, уже стоит на окне. Окно открыто, но оно высоко. Под ним внизу темнеют кусты олеандров и гольдений.

— Что же? — думает Гулли, — я спущусь прямо по воздуху. — Надо только захотеть сильно, сильно и можно спуститься.

И она, сама не зная как, но так легко, неслышно спустилась по воздуху и очутилась

перед самым цветником.

Но что же делается вокруг её маленького крестика из прутьев? — Она смотрит и не верит глазам.

Там словно всё освещено, но не светом месяца, а ярким, электрическим светом, и среди этого света носятся волны светлого сияющего тумана.

В них что-то быстро снуёт, мелькает, копошится. Гулли усиленно, пристально вглядывается в этот туман и видит, что весь он полон светлыми сияющими фигурками, личиками девочек и мальчиков. — О! сколько их в этом тумане. Даже в глазах рябит. И около чего они хлопочут так усердно?

Гулли вглядывается и видит, что из чёрной земли, сильно освещённой ярким светом, из этой земли поднимается первый, зелёный, сочный росток. О! как он детски свеж и полон сочной жизни! Как все хлопочут около него, вьются, шепчут, ласкают, целуют его. И все тихо-тихо говорят друг другу:

— Это росток горчичного зерна, росток Божьего дерева! И отчего все эти светлые, чудные, хорошенькие мальчики и девочки, кото-

рые так мило, грациозно вьются и порхают, что-то несут, несут без конца, что-то тяжёлое, круглое.

— Ба! Да это яблоки, груши, абрикосы, персики и много, много всякого винограду.

— Это изобилие! Изобилие! — шепчут они. И все эти плоды под их светлыми ручками расплетаются, заплетаются в такие чудные гирлянды — все они падают на землю и исчезают!

Гулли не может налюбоваться на эту дивную игру. Перед ней мелькают, как бабочки, с лёгкими крыльями, сверкают, блещут опалами, яхонтами, бриллиантами все эти воздушные, чудные, неведомые гости.

Но что это? Маленький росток горчичного зерна уже вытянулся незаметно перед её глазами в толстый зелёный ствол. О! как много в нём могучей жизни!

Но кто-то шепчет около Гулли.
— Оглянись!

Она быстро оглядывается кругом. Вокруг светлого тумана всё как-то странно изменяет форму... Идут какие-то таинственные невиданные превращения.

Гулли вглядывается. Множество ростков поднимается со всех сторон. Но эти ростки превращаются в каких-то прозрачных зелёных пауков или в голубых нарядных раков с малиновыми крапинками. Черви, простые безобразные земляные черви становятся такими нарядными, красивыми гусеницами, а из этих гусениц выпархивают чудные блестящие бабочки и кружатся, кружатся вместе со всеми светлыми, блестящими, крохотными созданными вокруг чудного зелёного ствола горчичного дерева. А оно растёт, растёт быстро, но незаметно. Оно уже высоко поднялось над землёй, и его верхушка вся покрылась целым лесом ветвей, целой тучей листьев.

Какое-то белое, светлое облако покрывает его вершину. Гулли всматривается, всматри-

вається в это блестящее облако. Но оно уже не облако, а чудная роскошная женщина. Она сидит на вершине дерева, окружённая её густой непроницаемой листвой, которая растянулась на многие, многие вёрсты, и кругом этой чудной женщины лежат целые груды всяких плодов: груш, яблок, абрикосов, апельсинов, персиков и винограду, винограду без конца. И от всей вершины всюду идут светлые, блестящие, сияющие лучи.

— Изобилие! Изобилие! Изобилие! — шепчут лёгкие, маленькие, крылатые создания и вьются, порхают, мелькают вокруг дерева.

Женщина медленно, плавно поднимает, протягивает руку и тихо произносит одно слово, одно только слово:

— Довольство!

Но от этого слова Гулли быстро, широко открывает глаза и... просыпается.

IV

На дворе давно уже день-деньской. Солнце спряталось за мелкими тучами. Как будто дождик собирается. Но в воздухе душно. Может быть, будет гроза. Гулли едва могла дождаться, чтобы все встали, и побежала в сад к цветнику. Около крестика из земли вышел крохотный желтоватый росток с двумя листиками. Это был росток горчичного зерна, росток Божьего дерева.

— Господи! — думает Гулли, — какой он был толстый во сне! Отчего же наяву не бывает так, как во сне? И каким сильным деревом он поднимался от земли?!. А сколько было всяких плодов!..

И Гулли вспоминает ту красивую женщину, которая сидела на этом дереве, и вспоминает то слово, от которого она проснулась...

— Довольство! — думает она. — Изобилие даёт довольство — и всё вырастает из земли — всё развивается из земли: изобилие — довольство! Это сила, которая набирается из земли. Маленький росток превращается в дерево, и если бы собрать все плоды со всех де-

ревьев, которые их приносят, то какая вышла бы громадная, большущая гора всех этих плодов! Изобилие — довольство!

И Гулли почти не отходит от цветника. Она всё думает, мечтает, что выйдет из этого маленького ростка. О, она вполне уверена, что он будет большим, большим деревом, в ветвях которого будут укрываться птицы небесные.

И целый день она ходит озабоченная, задумчивая. А день разгулялся и опять сделался жарким. И всем как будто праздник, большой праздник. Все так довольны, веселы, бегают, смеются, и все едят яблоки, груши, пекут айву, щёлкают грецкие орехи. — Изобилие! Довольство!

И все птицы и звери земные тоже чему-то радуются. Громадные стрекозы прыгают и стрекочут повсюду. Саранча залетает в окна. Птицы кричат, порхают, гоняются друг за другом. И отовсюду, из садов, виноградников, со всех деревьев слышится несмолкаемый, оглушительный треск цикад. В ушах звенит от их крика, от всей этой возни, трескотни и шума, и гама.

Гулли самой весело. Ей хочется бегать взапуски, вперегонки, хочется летать вместе с задорными птицами. Но где же взять крыльев?! Целый день она бежит по жару, по солнцу. Выбежит на берег; там море шумит и сияет, а над ним роятся чайки и бакланы. И целые стаи чёрных дельфинов прыгают, играют, кувыркаются в зеленоватой, прозрачной, блестящей воде.

Гулли бежит по камням, по дорожкам, и всё её тянет к ростку — не сделался ли он толще? Не превратился ли в дерево?

Вечером она устала. Глаза слипаются! Она зевает. Лениво молится и с таким наслаждением бросается в постельку.

Сон накрывает ей глаза. И снова перед Гулли стоит высокое Божье дерево. Она смотрит кругом. Снова в прозрачном блестящем тумане что-то волнуется, кружится, мелькает, снова меняется, превращается, но теперь всё куда-то стремится с криком радости и улетает. Вот у какой-то козявки вдруг выросли крылья; она расправила их и улетела. Вон бабочки лёгкие, нарядные — все из серебра и перламутра. — Ах, как они летают, точно бешен-

ные. Даже голова кружится от их полёта.

Но Гулли не чувствует, что она сама летает. Она несётся дальше от этого постоянного круженья к блестящему морю. Но и на море тоже кружение и блеск, и трепет, и рокот свободного моря. Всюду праздник!

Вот рыбы — морские, нарядные, пёстрые, золотистые рыбы. Они выскакивают из воды, взлетают на воздух и улетают на лёгких крыльях. Вот на каменистый, скалистый берег выползают из моря странные гады с зазубристыми хвостами. Драконы это или невиданные какие-то дива морские. Они спешат, торопятся — у них вырастают крылья на спине, и они тоже поднимаются на воздух и улетают. Вон и летучие мыши, и летучие белки, и птицы, птицы... Ах, сколько птиц! Все они точно бешеные снуют по всем направлениям.

У Гулли рябит в глазах, звенит в ушах... Она готова лишиться чувств, но она довольна. Она тоже порхает. Для неё тоже какой-то праздник. Она не знает какой, но всё равно. Ветерок так ласково дышит, свежий морской ветерок. Везде ароматный праздничный воздух и так приятно летать, летать, носиться в

этом воздухе.

И Гулли носится не одна, с ней вместе порхают и птицы, и бабочки, и эти нарядные, крохотные, маленькие создания. Они порхают на лёгких, прозрачных крыльях. Они схватывают Гулли за руки и несутся вместе с ней. Они кружатся, порхают повсюду и снова прилетают к Божьему дереву.

— Это наше родное дерево — шепчут они. — Божье, горчичное дерево. Оно выросло из земли и уносится в небо. Горький труд несёт изобилие, — изобилие даёт довольство, из довольства является свобода.

И Гулли чувствует, как легко, свободно бьётся её маленькое сердце, как всё оно переполнено радостью. Она носится, летает на крыльях свободы. Она летает над морем, над громадным, широким морем, сердце замирает, а воздух тихо ей шепчет:

— Свобода! свобода! свобода!

Солнце уже стояло высоко, когда она спросулась. Голова её переполнена сном. Сердце замирает и трепещет. Ей кажется, что ещё над ушами её кто-то шепчет тихо всё одно и то же слово: свобода! свобода! свобода!

— Но что же мы будем делать на свободе? — думает Гулли. — Летать, порхать! Но куда же?

И ей становится скучно при одной мысли, что она должна вечно порхать и летать.

— Что не встаёшь, дорогой мой, черноглазый. Все уже чай отпили давно, только ты спишь, — говорит ей её толстая, дорогая няня.

— Что же сегодня заспался, мой Гулёк, — говорит сама баронесса, и входит в детскую, и смотрит на заспанные глаза Гулли. — Вставай, мой Гулёнок. — И она щупает ей пульс и смотрит, не горяча ли у неё голова, и так нежно целует её.

— Муттерхен, — говорит Гулли (она знает, что баронесса любит, когда она зовёт её муттерхен. Ведь у баронессы нет никого: ни детей, ни внушек. Всех она давно схоронила, и

только и есть у ней одна она названная дочка, татарочка Гулли). — Муттерхен, — говорит она, — мне снятся всё странные сны... А что мой росток Божьего дерева? Муттерхен, ты не видала его, моя милая...

— Нет, не видала. Вставай, одевайся скорее и иди сама.

И Гулли бойко одевается, умывается и бежит — бежит к ростку Божьего дерева.

— Ну! как он вдруг вырос большим стволом...

Но на пути ей попадается весёлая Груша.

— Ах! Гулён — встала... Милая моя! — и целует её.

Но только что Гулли высвободилась и бежит в сад, как перед ней встаёт добрая хохотушка Соня.

— Ах! барышня, барышня дорогая моя. Дай поцелую ясные глазыньки.

И много, много их целой толпой окружают Гулли, и для всех она милая, дорогая, ясная, ненаглядная.

— И за что они все меня так любят? — думает Гулли и бежит, опрометью бежит к ростку.

Он поднялся, значительно поднялся со вчерашнего дня. Но увы! Это был всход зелёной маленькой травки, а никак не большого дерева.

Гулли уселась прямо на землю и смотрит на этот всход, и она верит, крепко верит, что он разрастётся большим, большим деревом.

А за ней уже бегут целой толпой, гурьбой — и Даша, и Глаша, и Саша, и Соня, и Дуня, и все кричат:

— Барышня, чай кушать! Барышня, дорогая, чай простыл!..

Солнце спряталось за тучки. Серенький туманный денёк; но такой тёплый, ласковый. Нет шума, крика, как вчера, но Гулли кажется, что все травки так сильно любят птичек, а птички и бабочки так нежно, любовно ластятся к нарядным цветам. И цветы от радости и любви так нежно, любовно пахнут. И аромат их носится во всём воздухе. Всё напоено их чудным сладким запахом.

— Муттерхен, — говорит Гулли баронессе, — ведь все и цветы, и кусты, и бабочки, и птички любят друг друга, и все радуются жизни, потому что жизнь и есть благо.

— Да, — говорит баронесса. — Только злые и недовольные не любят жизни. Только для них она тяжела и неприятна.

Целый день бродит Гулли тихая и радостная. И за что она ни возьмётся — всё у неё валится из рук. Так бы всё она сидела и слушала тихую любовную песню целой природы.

VI

И с этой тихой песней в душе она провела весь день и вечером так сладко молилась Богу и так мирно, тихо уснула. И во сне её встретила та же тихая, любовная песня.

Все её мысли кружатся около Божьего дерева, и она снова носится над ним, носится, порхает над его вершиной, которая высоко-высоко над землёй и ушла в небо. И все лёгкие порхающие созданыя, все мальчики и девочки также носятся вместе с ней. Господи! сколько их в ветвях самого дерева! Они смеются и прячутся в его листьях, густых и зелёных. Вон, вон сколько их! и какая громадная вершина! Конца нет. — Всё это блаженные, небесные, Божьи птицы и все они укрываются в ветвях Божьего дерева.

И вся вершина освещена каким-то дивным прекрасным, ласковым светом. О! с какою любовью греет и нежит этот свет, и как дороги были Гулли все эти Божьи небесные птицы. Сердце трепещет и сладко бьётся, и кажется Гулли, что нигде на земле, в целом мире нет ничего, ничего выше этого чувства, нет бла-

женнее любви ко всем и к этому дивному свету.

О! она теперь знает, что такое это горчичное зерно — это желанное Божье дерево. Труд даёт довольство, довольство создаёт свободу. Но нет ничего в целом мире выше, желанней любви, потому что в ней и свет, и жизнь, и свобода, и довольство жизнью и светом.

О! как она любит всех этих чудных мальчиков и девочек! Она не знает, как их зовут, но всё равно — они такие милые, добрые, — такие дорогие, любящие птички небесные.

— Гулли, — говорят они, — мы все и вместе с тобой выросли из одного Божьего дерева, из одного горчичного зерна. Везде сеется слабое, а вырастает сильное, сеется презренное, вырастает славное. — И они целуют, ласкают её, и сердцу Гулли так сладко, так легко, с такой полнотой и наслаждением оно бьётся и трепещет. И кажется ей, что целый век она пробыла бы с этим чувством и никогда-никогда не пожелала бы ничего другого.

И вдруг все эти созданыица вылезли из листьев, из ветвей Божьего дерева, все встали кругами, кругами. И кажется Гулли, что этим

кругам нет ни счёта, ни конца. И все они из всех кругов общим хором запели чудную песню, и эта песня была сама любовь. Как из громадного органа неслась она то замирая, то снова поднимаясь, как великая волна.

Гулли, вся трепещущая, радостная смотрела наверх — туда, где ярко горел и освещал всех чудный ласковый свет. И ей казалось, что и песнь, и свет, и любовь — всё одно и то же, и чем торжественней, нежней звучала песнь, тем ярче, сильнее сиял чудный свет. И ещё казалось Гулли, что вся она превратилась в любящую певучую струнку, и вся душа её трепетала и нежилась в общем согласном хоре, который пел славу свету, свободе, любви!.. Она пела и не чувствовала, как из её глаз катились, катились крупные слёзы. Она понимала, что источник их был в самом её любящем, восторженном сердце.

И чувствует она, что вся проникается светом и этот свет так томительно сладко обхватывает её всю. На него больно смотреть глазам, отяжелевшим от сна. Она силится открыть их... и наконец раскрывает.

Её всю окружает свет радостного светлого

утра, а песнь звучит, звучит в её ушах. Она звучит под окном в саду, и видит Гулли, что опять все работают, трудятся — все разбирают ягоды и груши, и все поют так радостно, согласно. Это — песнь труда, песнь довольства. Но когда же она будет песней свободы и любви!..

VII

С тех пор прошло много лет. Муттерхен совсем состарилась. Гулли выросла, и всю свою короткую молодую жизнь она вспоминала то, что видела во сне, когда она была маленькой девочкой, — то, что ей снилось в памятные три летние ночи её детской жизни. Она уже не верила, что горчичное семечко может вырасти в большое дерево, но она верила, она была убеждена, что Божье дерево растёт, развивается и что в вершине его укрываются божьи небесные птицы.

Вся жизнь её, недолгая жизнь была полна тоски и ожидания. Что бы она ни делала и где бы ни была, вдруг ей почудится, что где-то вдалеке зазвучит родная песнь этих небесных птиц, к которым она стремилась так жадно, которых любила так крепко, и всё встрепенётся в ней, сердце забьётся, затрепещет и тотчас сожмётся с такой грустью, и на глазах выступят слёзки.

*И здесь на земле томилась она,
Желанием чудным полна.*

Она любила труд и трудилась настолько, насколько ей позволяла её добрая муттерхен, которая больше собственной жизни берегла жизнь её милой Гулли. Она жила в довольстве, роскоши и всем была недовольна, и всё, что было у ней, с радостью отдавала бедным. Она любила музыку. Но музыка наводила на неё неисходную тоску.

*И звуков небес заменить не могли
Ей скучные песни земли.*

Бледная, скучная, худая, она постоянно томилась и к пятнадцатой весне её тихой жизни захирела и умерла.

Муттерхен похоронила её и осталась одна, совсем одна, без детей, без внучек и без своей дорогой милой Гулли!..